СОЛЕЙМАНЪ И СОВА.

Велемудрый Солейманъ славился у правовѣрныхъ въ особенности тѣмъ, что былъ необычайный чтитель и поклонникъ женщинъ, и зналъ тайну разговаривать со всѣми животными, въ особенности–же съ птицами. Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается: не смотря на премудрость свою, Солейманъ — благословенной памяти — давалъ промахи, и вотъ, между прочимъ, одинъ, который крайне утѣшалъ базарную толпу, слушавшую однажды разсказы восточнаго острослова.

Одна изъ красавицъ Солеймана, включеннаго въ число двадцати–осьми учителей ислама, потѣшалась неограниченною властію своею надъ мудрецомъ, потѣшалась и проказила тѣмъ болѣе, что преходящая власть ея держалась на волоскѣ, которому имя было «прихоть Солеймана»; — не сегодня, такъ завтра красавица ожидала себѣ, по общему порядку вещей, смѣны. Она потребовала

отъ вѣрноподданнаго ей царя, чтобы онъ построилъ ей костяныя палаты; и Солейманъ немедленно созвалъ всѣхъ птицъ вселенной, приказалъ имъ сносить въ кучу всѣ кости, мослы и косточки цѣлаго обширнаго царства. Въ этой мѣрѣ легко узнать благоразуміе и мудрость Солеймана: онъ не хотѣлъ обременять пустымъ дѣломъ подданныхъ своихъ, и отрядилъ на службу подвластныхъ ему птахъ и пичугъ.

Всѣ птицы повиновались безпрекословно, — и Солейманъ, сидя съ возлюбленною своею на бархатномъ одрѣ, любовался въ цвѣтныя стекла палатъ своихъ на поспѣшную работу: птицы, птички, птахи и пичужки всѣхъ родовъ, величинъ и цвѣтовъ, стекались отовсюду съ крикомъ, гарканьемъ и щебетаньемъ, и роняли собранныя кости въ кучу. Тутъ галки и вороны, какъ истинные тунеядцы, подлетали и подпрыгивали, долбили черными носами косточки вправо и влѣво, и поживлялись то оставшимся волоконцемъ мясца, то мозжечкомъ, то хрящикомъ; тутъ беркутъ, коршунъ, соколъ и кречетъ, подъ

видомъ работы, выхватывали съ налету куропаточку, тетерьку, перепелочку, и обглодавъ ее чинно кругомъ, приносили на мѣсто складки косточки ея; словомъ, дѣло шло своимъ чередомъ и порядкомъ, и Солейманъ былъ крайне доволенъ успѣхомъ — удивлялся, однако–же, что не видитъ на работѣ ни одной совы. Немедленно отправилъ онъ нарочнаго, кажется, разговорчиваго скворца, велѣвъ найти и позвать ослушную лѣнтяйку. Скворецъ нашелъ сову въ дуплѣ, посидѣлъ передъ нею, повралъ, поболталъ, перекорчилъ и передразнилъ все честное общество пернатыхъ, кривляясь и картавя и поддѣлываясь подъ стать и ладъ всякаго; — но этимъ совушки не заманилъ; она плюнула на дурака и осталась въ дуплѣ. И другой посолъ, дятелъ, успѣлъ не болѣе перваго; сколько онъ ни лазилъ вкругъ дупла, сколько ни долбилъ и постукивалъ роговымъ носомъ своимъ въ дерево со всѣхъ сторонъ, сова просидѣла, не оглядываясь, не удостоивъ даже этой мартышки между птицами отвѣта. Тогда

Солейманъ разсердился нешутя, и нахальный коршунъ вызвался представить сову на расправу. Скворецъ и дятелъ были приданы ему вожаками; совушку отыскали, вытащили изъ дупла и представили Солейману. Это была сова, извѣстная въ средней Азіи подъ именемъ *байгузъ;* маленькая, крохотная, тщедушная, худенькая. Солейманъ хотѣлъ казнить ее немедленно за дерзкое ослушаніе. «Постой», сказала совушка, «всякой на твоемъ мѣстѣ могъ–бы меня казнить: но если ты премудрый владыка, то выслушай меня прежде, а потомъ, коли разсудишь, казни. Дозволь мнѣ сдѣлать тебѣ три вопроса; ими объясню я тебѣ все дѣло: ты знаешь все, и конечно не призадумаешься въ отвѣтѣ. Вопервыхъ, какъ ты думаешь — чего болѣе на поверхности земли нашей: горъ или равнинъ?»

— Конечно равнинъ болѣе, — отвѣчалъ премудрый Солейманъ.

«Нѣтъ», возразила совушка, «ты ошибаешься. Возьми уровень въ руки и пройдися съ нимъ куда хочешь, — и ты

увидишь, что всюду, гдѣ–бы ты ни стоялъ, куда–бы ни шелъ, всегда идешь или подъ гору, или въ гору. Теперь скажи мнѣ, что выше стоитъ, земля или вода?»

— Безъ–сомнѣнія, земля, — сказалъ пророкъ.

«Опять не такъ», отвѣчала, помотавъ головкою, сова байгузъ. «Вода падаетъ съ неба; слѣдовательно, она и выше земли. И такъ, премудрый, ты видишь, что и ты ошибаться можешь; дай–же мнѣ сдѣлать теперь послѣдній вопросъ, и я смиренно и покорно замолчу и положу голову свою на плаху. Чего болѣе на свѣтѣ: мужчинъ или женщинъ?»

— Мужчинъ, — отвѣчалъ Солейманъ; — всѣмъ извѣстно, что ихъ родится числомъ поболѣе, чѣмъ женщинъ.

«Нѣтъ, великій и премудрый владыка», молвила совушка вполголоса, «и это не такъ. Женщинъ болѣе, потому–что и тѣ мужчины бабы, которые слушаются бабъ.»

Здѣсь хохотъ народа заглушилъ послѣднія слова разсказчика; никто не дослышалъ, что говорилъ онъ далѣе, а я,

какъ мнѣ показалось довольно и этого, разсказалъ и вамъ то, что слышалъ.